

«ТЫ ПРОСТО СМОТРИШЬ И ПОНИМАЕШЬ:

ТАМАРА БОРЧИК, ФОТО РОСКОСМОСА

Вселенная — это бесчисленное множество космических пылинок, из гигантского облака которых когда-то образовалась наша Земля. Мы и сами рождены из этого вещества, поэтому в масштабах Вселенной каждый человек — лишь песчинка. Но процесс создания нашей планеты доказывает: великое всегда рождается из малого. Подобно тому как космические пылинки соединились в Землю, изменив ход истории, тысячи умов объединились для создания Международной космической станции, сделав невозможное возможным. За каждым открытием на орбите стоит огромный труд наземной команды, благодаря которой МКС уже много лет успешно работает на высоте 400 километров, принимая международные экипажи.

Что особенно дорого нам, королёвцам, прямое отношение к этому «земному неземному созданию» имеет наукоград Королёв — город, откуда началась вся космическая эра. Здесь живут удивительные люди, которые достойно продолжают дело советских первопроходцев космоса. Они конструируют спутники, отправляют на орбиту экипажи и проводят на МКС сложнейшие эксперименты, доказывая, что возможности человеческого разума безграничны.

И именно такой человек, покоривший космос, сегодня дал нам интервью — Герой России, лётчик-космонавт РФ, начальник ЦПК имени Ю.А. Гагарина и Почётный гражданин нашего города — Олег Дмитриевич Кононенко.

ДЕТСТВО, СЕМЬЯ И ПЕРВЫЙ ШАГ НАВСТРЕЧУ КОСМОСУ

— В представлении некоторых людей, космонавты и особенно инженеры — это технари. Но ведь это абсолютно не так! Когда начинаешь изучать биографии людей этих профессий, выясняется, что многие из них увлекаются искусством, занимаются живописью, музыкой, фотографией. В детстве Вы учились в художественной школе. Кто или что привело Вас туда? Продолжаете ли Вы рисовать и помогает ли художественное видение в космических полётах?

— В художественную школу я попал не по собственному осознанному выбору — родители заметили, что в детстве я много и с удовольствием рисую, и решили развить эту способность. Я сдал вступительные экзамены и через четыре года закончил художественную школу. Из множества предметов, которые нам преподавались, больше всего мне нравились рисунок и живопись. Сейчас, к сожалению, я уже много лет не держу кистей — времени для этого не осталось совсем. Но то, что я вынес из художественной школы, не исчезло. Это умение видеть кадр: чувство композиции, света, баланса. На орбите это помогает снимать Землю так, чтобы фотография передавала не просто объект, а настроение, масштаб, динамику. Техника фиксирует изображение, но поймать момент — когда облака ложатся в нужный ракурс или солнце даёт неожиданный блик — может только тот, кто умеет видеть, а не просто смотреть. В этом смысле искусство и техника не разделены. Оно просто учит обращать внимание на детали. А в космосе, где каждый кадр уникален, это становится частью работы.

— Вы выросли в Туркменистане, на стыке разных культур. Как этот яркий среднеазиатский колорит и местное воспитание повлияли на Ваше мировоззрение и отношение к людям?

— Туркменистан — это место, где с детства впитываешь уважение к старшим, открытость и искренность в общении. Там не принято делить людей по происхождению — ценят поступки и отношение. Это воспитало во мне одно из самых главных качеств — умение слушать и доверять. А ещё восточное гостеприимство учит тому, что даже в жёстком графике всегда есть место человеческому теплу — это помогает и на Земле, и на орбите.

— Многие дети в СССР мечтали о космосе, но немногие воплотили эту мечту в жизнь. Были ли в Вашем детстве переломный момент или событие, когда детская мечта превратилась в твёрдое решение: «Я буду космонавтом»?

— Не было какого-то конкретного момента, когда всё перевернулось. Скорее, это был процесс. Насколько себя помню, я всегда хотел стать космонавтом. Но решение готовиться к полёту в космос не пришло ко мне в один день. Было понимание, которое росло вместе со мной: всё, что я делаю в спорте, учёбе, выборе профессии, — делаю именно ради этого. Мечта не требовала переломного момента — она просто была со мной всегда, и я целенаправленно шёл к ней.

— В школьные годы Вы увлекались авиа-моделированием. Эти занятия оказали влияние на развитие инженерного образа мышления? Пригодились ли эти юношеские навыки в реальной работе с космической техникой?

— Авиамоделирование — это было не просто хобби, а первый опыт работы с системой, где ты одновременно проектировщик, сборщик и испытатель. Ты видишь результат своих расчётов сразу: модель либо летит, либо нет. И если нет — ошибка очевидна, и её надо самостоятельно найти и исправить. Эта привычка — искать причину в своих действиях и решениях, а не в обстоятельствах — осталась со мной. Так что авиамоделирование дало не только инженерные знания, но и профессиональный рефлекс: не доверять первому варианту и проверять каждое допущение.

— Подводя итог: если описать Ваше детство в нескольких словах — каким оно было и какую роль сыграло в формировании Вас как космонавта?

— Детство было обычным и счастливым — двор, спорт, книги, модели самолётов и рисунки в тетрадях. Оно дало не столько знания, сколько привычку не бояться пробовать новое, доводить дело до конца и замечать детали. В этом смысле оно и подготовило к профессии, где важны и терпение, и внимание, и готовность учиться. А мечта о космосе просто была всегда и росла вместе со мной.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНЖЕНЕРА

— Харьковский авиационный институт — почему выбор пал именно на него? Какое самое яркое воспоминание осталось от учёбы? Были ли в студенческие годы моменты, когда казалось, что нагрузка запредельная? Не возникало желания выбрать профессию полегче?

— Обстоятельства, которые привели меня в ХАИ, сейчас уже и не важны. Важно то, что я ни разу не пожалел о сделанном выборе.

Самые яркие впечатления — это учёба, работа в студенческих строительных отрядах и производственные практики в ведущих космических центрах страны. Именно там я впервые увидел настоящие космические

ракеты и аппараты — не на картинках, а живую. Это был момент, когда мечта обретала реальные очертания. Нагрузка была серьёзная, но я воспринимал её адекватно. Успевал всё — потому что жил этим и чётко понимал, зачем сюда пришёл.

— Были ли в институте преподаватели, чьи человеческие качества или уникальный подход к науке стали для Вас ориентиром в жизни и профессии?

— Конечно. Но я не стал бы выделять кого-то одного. Главный урок, который я вынес от преподавателей и учёных с кафедр и лабораторий, — они научили учиться. Не зубрить, а понимать. Не запоминать, а вникать. Без желания постоянно совершенствоваться, познавать новое и идти дальше профессионального будущего просто не будет. Всегда оставаться учеником, даже когда ты уже учитель.

— Куйбышевское ЦСКБ (прим. авт. — ныне РКЦ «Прогресс») — именно с ним Вы связали свою жизнь после института: работали инженером-конструктором, проектировали системы электропитания космических аппаратов. Насколько этот глубокий опыт создания техники на Земле помог Вам, когда Вы уже в качестве бортинженера эксплуатировали её на орбите?

— Опыт работы в ЦСКБ дал мне самое главное — понимание логики работы систем изнутри. Когда проектируешь систему, знаешь не только, как она работает, но и почему сделана именно так, где заложены запасы прочности, а где — критические точки. В дальнейшем, уже в космическом полёте, это позволило быстро оценивать любую нештатную ситуацию, потому что понимаешь её природу.

Кроме того, знание процесса разработки даёт доверие к технике. Ты знаешь, сколько этапов испытаний она прошла до старта, и это избавляет от лишних страхов.

Конструкторская школа научила меня не просто пользоваться сложной системой, а чувствовать её. На орбите это — ключевое качество.

— Ваша инженерная карьера развивалась успешно, но Вы не забывали о своей мечте — стать космонавтом. Были ли в тот период люди, которые стали для Вас наставниками, поддерживали Вашу цель и помогли не свернуть с пути к её реализации?

— Конечно. В те годы рядом оказалось несколько человек, кто сыграл ключевую роль. За каждым моим шагом стояли люди, которые своим примером, участием и доверием помогали двигаться вперёд. И за это я им благодарен.

— Помните ли Вы свои первые мысли и эмоции, когда в 1996 году Государственная межведомственная комиссия утвердила Вашу кандидатуру в качестве кандидата в космонавты?

— Эйфории не было. Пришло спокойное внутреннее понимание: всё, теперь это не

мечта, а задача. Впереди — годы подготовки и ещё больше работы. Самое сложное только начинается. Эмоции были ровными — я был готов к этому решению задолго до того, как его озвучили.

— Ваш путь от зачисления в отряд до первого космического старта занял долгие 12 лет. Это годы сложнейших тренировок, экзаменов и статуса «в ожидании». Как психологически выдержать эту дистанцию и не перегореть?

— Секрет не в том, чтобы ждать, а в том, чтобы жить. Если относиться к этим годам как к паузе перед главным — выгорать обязательно. Я же воспринимал тренировки, экзамены, ожидание не как преграду, а как часть жизни. Каждый день был либо шагом вперёд, либо полезным уроком.

Помогало и то, что я не ставил жёсткую цель «стать космонавтом любой ценой». Я просто делал то, что мог, в каждой конкретной ситуации — и старался хорошо. Готовился, учился, работал. Да, было непросто. Но я не тратил энергию на переживания «когда же». Я тратил её на то, что приближало к цели.

КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ И РУКОВОДСТВО МКС

— Ваш первый полёт на «Союзе ТМА-12» состоялся в 2008 году. Оправдались ли тогда ожидания, сформированные годами земных тренировок? Каким Вы увидели реальный космос в самый первый раз?

— Ожидания, в целом, оправдались. Тренировки дали хорошую базу — на орбите я чувствовал себя уверенно, знал, что делать в штатных и нештатных ситуациях. Но реальный полёт оказался глубже любой симуляции, потому что живые ощущения не передать.

И работа на орбите — это не только красота, но и постоянное напряжение. Каждое действие требует полной концентрации — права на ошибку нет. Ты не можешь остановиться или переделать. Привычная земная логика не работает: даже простые движения требуют усилий и контроля. А когда случается нештатная ситуация, времени на раздумья нет — надо действовать быстро, полагаясь на знания и интуицию. Это делает полёт не просто испытанием, а настоящей проверкой на прочность.

Сам космос — это отдельный уровень. Когда впервые смотришь на Землю из иллюминатора, видишь её живой, голубой, с облаками и океанами, а вокруг — бесконечная глубина. Увидеть это своими глазами — совсем другое, чем читать или смотреть. Это не просто красиво, это меняет восприятие. И остаётся с тобой навсегда.

— Вы совершили пять космических полётов и установили абсолютный мировой рекорд, проведя на орбите 1111 суток. Как на Ваших глазах за эти годы изменилась сама станция, технические процессы на ней и атмосфера внутри международных экипажей?